

личается от мышления высших животных тем, что оно (мышление человека) протекает по законам физического труда...»⁵⁴.

Много страниц посвящает автор разграничению понятий «мировоззрение» и «идеология». Мы не можем в рамках данной рецензии заниматься выяснением этого вопроса по существу. Укажем только на то, что уровень этих рассуждений В. Ф. Зыбковца не плохо иллюстрируется такими, например, заявлениями: «Не существует в природе „реакционного буржуазного мировоззрения“, речь может идти только о реакционной буржуазной идеологии»⁵⁵. Не менее выразительно то определение понятия «мировоззрения или миропонимания», которое выводится автором из всех его рассуждений по этому вопросу: «...такая сторона общественного сознания, такое живое отражение общественного бытия в сознании, которое характеризует общее концептуальное отношение к внешнему миру и к внутреннему бытию человека, как со стороны общества, так и со стороны отдельной личности»⁵⁶. В другом месте сказано еще мудренее: «...сторона общественного сознания, выражающая общую концептуальную связь познанного и непознанного...»⁵⁷. Кому и для чего нужна эта мнимочуждая словесность?

* * *

В тематике научно-атеистической пропаганды вопрос о происхождении религии занимает видное место. Тем более недопустимо, что появляются столь неудачные работы по этому вопросу. Необходимо предъявить нашим историкам первобытного общества требование — дать, наконец, в руки пропагандистов добротные марксистские монографии и научно-популярные труды, освещающие проблему возникновения и ранних форм религии, на уровне, соответствующем современной ступени развития советской науки.

И. А. Крывелев

НАРОДЫ СССР

Сибирский этнографический сборник, III. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия, т. LXIV, М.—Л., 1961.

Со времени основания Академии наук исследование жизни, хозяйства и быта народов Сибири, их истории и происхождения является одним из важных направлений русской этнографии. Традиционная культура народов Сибири, их этногенез привлекают внимание и советских этнографов. Для понимания работы, ведущейся в этой области, несомненный интерес представляет изданный в серии трудов Института этнографии АН СССР «Сибирский этнографический сборник», III. Он состоит из пяти статей.

Сборник открывается статьей В. А. Александрова «Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII — начала XVIII в.». Эта тема сложная и весьма важная для характеристики процесса русской колонизации Сибири и образования там постоянного населения, остается пока не разработанной. Статья В. А. Александрова, посвященная главным образом изучению семейного строя крестьян и посадских людей Енисейского края, вносит много интересного в разработку этой темы. В отличие от своих предшественников, занимавшихся, впрочем, не столько семейным строем, сколько «женским вопросом» в Сибири и рассматривавших все русское население как сплошную однородную массу, автор подошел к различным категориям русского населения дифференцированно. Отметив, что промышленники были обычно бессемейными, что многие служилые люди были «бездомовыми» одиночками, он привел убедительные свидетельства о том, что крестьяне и посадские жили в основном семьями.

Анализ писцовых и переписных книг показал, что среди крестьян в 1669 г. семейные составляли 77,1%, среди посадских — 73,2%, тогда как среди русских служилых людей — всего 30%. Значительная часть русских жила большими неразделенными семьями. Таким образом, крестьяне перенесли в Сибирь русские большесемейные традиции. И хотя в конце XVII в. пришлые русские обзаводились семьями уже именно в Сибири, эти традиции продолжали существовать. Несомненно интересен материал о том, что большинство русских переселенцев в Енисейский край было женато на русских женщинах. Данные, приведенные в статье, позволяют отказаться от мнения, проникшего в до-революционную литературу, об общей уродливости семейного быта русских старожил Сибири.

⁵⁴ В. Ф. Зыбковец, Дорелигиозная эпоха, стр. 244.

⁵⁵ Там же, стр. 115.

⁵⁶ Там же, стр. 116.

⁵⁷ Там же, стр. 119.

Интересный материал об эскимосско-чукотских и эскимосско-корякских языковых связях привел И. С. Вдовин в статье, озаглавленной «Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков». В свое время на сходство культуры и языка азиатских эскимосов и приморских чукчей обратил внимание В. Г. Богораз. Развивая это положение, И. С. Вдовин показал, что в топонимике восточного берега Камчатского полуострова имеются явные следы пребывания в этом районе эскимосов. Далее он привел данные, свидетельствующие о глубоком влиянии эскимосского языка на фонетику, морфологию и лексику алюторского диалекта корякского языка. Следы эскимосского языкового субстрата он обнаружил также в элементах лексики, морфологии и синтаксиса чукотского языка. В статье приведен материал и об обратном влиянии чукотского и корякского языков на эскимосский. Все это привело автора к справедливому, хотя и не новому, выводу о многовековых контактах эскимосов с палеоазиатами северо-востока и о длительном взаимовлиянии их культур. Но И. С. Вдовин не ограничился этим. В начале статьи он остановился на проблеме этногенеза северо-восточных палеоазиатов в целом и в связи с этим коснулся концепций, имеющих по этому вопросу. К сожалению, автор не привел аргументов, на основании которых были выдвинуты эти гипотезы, и не указал мотивов, по которым он отвергает эти доказательства. Так, полемизируя с М. Г. Левиным, выдвинувшим свою гипотезу происхождения палеоазиатов, И. С. Вдовин лишь перечисляет следующие (необоснованные, на его взгляд) положения этой гипотезы, что «юкагиры предшествовали чукчам в глубинных районах Чукотки», что продвижение чукчей и коряков в глубинные районы было связано с распространением у них оленеводства, что оленеводство чукчи и коряки заимствовали «от северных тунгусов, по-видимому, через юкагиров», что областью первоначального расселения и формирования северо-восточных палеоазиатов была часть Охотского побережья, включая и западное побережье полуострова Камчатки, что ительмены были оленеводами и некоторые другие» (стр. 29).

Не указав данных, на которых основаны эти выводы, и упрекая М. Г. Левина в том, что он «не исследует развития хозяйственных, культурно-бытовых и языковых особенностей, формирование которых обусловило выделение из общей массы северо-восточных аборигенов предков современных чукчей, коряков и ительменов» (там же), автор статьи представил эти выводы читателю как бездоказательные. Однако обращение к первоисточнику — в данном случае к монографии М. Г. Левина — позволяет видеть, что автор ее широко использовал не только антропологические материалы, но и археологические, этнографические наблюдения о хозяйстве и культуре палеоазиатов, а также выводы, имеющиеся в специальных работах, посвященных изучению языков этих народов¹.

Что касается доказательств упомянутых выше положений, то они достаточно вески. Как известно, то положение, что юкагиры предшествовали чукчам в глубинных районах Чукотки, основывается на документальных материалах XVII—XVIII вв. Эти материалы подробно изложены в работе Б. О. Долгих². Картограмма этнического состава Чукотки и Камчатки в XVII в., составленная Б. О. Долгих, приведена в работе М. Г. Левина на стр. 226.

На исторических материалах XVIII—XIX вв. основано положение о том, что с распространением у чукчей оленеводства связано их продвижение в глубинные районы. Как известно, лишь в середине XIX в. чукчи перешли через Колыму в Большую Западную тундру. Не вдаваясь в дальнейший пересказ обоснованной рассматриваемых выводов, отметим, что мы не обнаружили у М. Г. Левина утверждения о том, что ительмены были оленеводами». Напротив, в своей работе М. Г. Левин пишет: «Если реконструировать хозяйственный уклад чукчей и коряков до проникновения к ним оленеводства, то он рисуется во многом сходным с тем типом, который сохранился к приходу русских у ительменов, не знавших оленеводства»³.

Таким образом, приходится констатировать, что автором статьи допущено в полемике искажение взглядов критикуемого им автора.

Бездоказательно отвергнув предложенные в литературе гипотезы, И. С. Вдовин, однако, не формулирует в работе своих взглядов. Отдельные мысли, разбросанные во всей статье, в общем повторяют то, что было высказано им в опубликованных ранее работах. Согласно И. С. Вдовину, предки чукчей и коряков издавна населяли континентальные районы Чукотки и им принадлежит остаток тех древних культур, которые в последние годы были обнаружены в глубинных частях этого полуострова. Переход предков чукчей и коряков к оленеводству совершился без влияния других народов. Возникновение же культуры береговых чукчей и коряков произошло после прихода эскимосов, под их влиянием.

Сколько-нибудь убедительных доказательств своих положений автор не приводит. Против них, между тем, можно привести немало возражений. По мнению наиболее авто-

¹ М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Института этнографии АН СССР, т. XXXVI, М., 1958; см. стр. 222—228.

² Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, Труды Института этнографии АН СССР, т. LV, М., 1960, стр. 424—440, 549—555.

³ М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 224.

ритетного в этой области археолога А. П. Окладникова, древние культуры Чукотки обнаруживают самую тесную связь с культурами заполярной Якутии — с памятниками нижнего течения Колымы и Лены. И. С. Вдовину следовало бы рассмотреть эти данные. Далее, решать вопрос о чукотско-коряжском оленеводстве нельзя в отрыве от общей проблемы происхождения оленеводства. Г. М. Василевич и М. Г. Левин в специальной работе привели доказательства того, что оленеводство северо-восточных палеоазиатов возникло под непосредственным влиянием оленеводства тунгусоязычных групп. Можно с этим и не согласиться, но тогда следовало привести контраргументы.

Укажем также, что в наше время, когда по проблеме происхождения эскимосов имеется значительная литература у нас и за рубежом, когда большинство наиболее авторитетных исследователей локализует область первоначального формирования эскимосов в Берингоморье, нельзя ограничиваться, как это делает И. С. Вдовин, утверждением, что эскимосы пришли извне, без указания путей этого переселения. Выше нам уже приходилось отмечать, что острие своей критики И. С. Вдовин направляет против концепции М. Г. Левина. Надо сказать, что в этой концепции этногенез чукчей и коряков связывается воедино с этногенезом ительменов. Без изучения отношения чукчей и коряков к ительменам невозможно подойти к решению проблемы этногенеза палеоазиатов. На древние связи ительменов с чукчами и коряками указывает языковая близость. В концепции И. С. Вдовина ительменско-коряжско-чукотские связи остаются без рассмотрения. Между тем именно хозяйственный уклад ительменов, сочетавших рыболовство с морским зверобойным промыслом и сухопутной охотой, рассматривается в литературе как прототип хозяйства предков чукчей и коряков. Значительная роль в комплексном хозяйстве древних палеоазиатов, равно как и эскимосов, сухопутной охоты объясняет наличие у них фольклорных произведений, рисующих быт охотников на диких оленей. Однако эти произведения истолковываются автором статьи как свидетельство того, что предки чукчей и коряков не знали морского зверобойного промысла и всецело были обитателями континентальных районов Чукотки. Таковы возражения, которые вызывают общие положения, высказанные в статье И. С. Вдовина.

Несомненный интерес представляет статья Е. А. Алексеенко «Средства передвижения кетов». Как известно, среди народов Севера кеты представляют группу, изолированную в языковом отношении. Загадочное происхождение кетов не нашло еще удовлетворительного объяснения. Одним из источников для решения этого сложного вопроса может быть этнография. К сожалению, как это справедливо указано автором, в этнографическом отношении кеты — один из наименее исследованных народов. Е. А. Алексеенко поставила перед собой цель в известной мере восполнить этот пробел. В статье — на основе полевых материалов, собранных автором, музейных коллекций и литературных источников — подробно описаны средства передвижения кетов: нарты, собачья и оленья упряжь, лыжи, лодки.

Анализ этих материалов позволил автору прийти к выводу, что для древней культуры кетов характерны ручная нарта, частичное использование охотничьих собак на транспорте, т. е. элементы древней культуры пеших охотников тайги. Позднейшее развитие средств транспорта кетов происходило в тесном взаимодействии с культурой соседних народов — русских, ненцев, селькупов и эвенков. Эти выводы представляются вполне обоснованными, хотя заключительное утверждение автора, что «народные средства передвижения являются одной из самых устойчивых областей материальной культуры» (стр. 97), плохо вяжется со всем материалом статьи.

Исследованию материальной культуры посвящена и большая статья Ч. М. Таксами «Селения, жилие и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина (середина XIX — начало XX в.)». Исследования Л. И. Шренка и Л. Я. Штернберга дали прекрасный материал о хозяйстве, социальном строе и религии нивхов. Однако не все разделы материальной и духовной культуры этого народа освещены ими с должной полнотой. В частности, их сведения о жилых и хозяйственных постройках весьма недостаточны. Поэтому статья Ч. М. Таксами представляет особый интерес. Она написана на основе полевых материалов, собранных автором в 1956—1957 гг. Следует отметить, что Ч. М. Таксами, нивх по происхождению, сам знаток амурской материальной культуры. Однако он не ограничился личными наблюдениями и широко привлек архивные и литературные источники. В работе подробно описаны все разновидности нивхской полудземлянки, типы наземных каркасных построек, временные промысловые жилища, а также разнообразные укрытия-заслоны. В результате обзора построек нивхов автор пришел к выводу о самобытном характере большей части этих сооружений.

Сборник завершается большой работой М. О. Косвена «Этнографические результаты Великой северной экспедиции 1733—1744 гг.». Литература об этой экспедиции, именовавшейся в официальных документах Второй камчатской, весьма обширна. Однако до сих пор нет работ, посвященных оценке вклада экспедиции в развитие этнографической науки, отсутствует и общая сводка того, что сделано экспедицией в области сбора этнографического материала. М. О. Косвен взял на себя труд подвести итог этнографическим работам этой экспедиции. Для этой цели им широко привлечены как литературные источники, так и неопубликованные документальные материалы. В статье приведены новые данные, характеризующие деятельность главных участников Северной экспедиции, занимавшихся сбором этнографического материала.

Много внимания уделил автор Г.-Ф. Миллеру. Вопреки существующему представлению, по которому Г.-Ф. Миллер известен только как историк, М. О. Косвен показал, что он был и выдающимся этнографом-собирателем. Автор дает характеристику общих взглядов Миллера на этнографию, рассматриваемую им, как часть всеобщей истории. Миллер обратил внимание на важность применения историко-сравнительного метода в этнографических исследованиях и подчеркнул важность этнографии в России — государстве многонациональном.

В статье дан обстоятельный разбор опубликованных этнографических трудов и рукописного наследства И.-Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г.-В. Стеллера, И.-Г. Фишера. Особого внимания заслуживают материалы о переводчике экспедиции, выдающемся этнографе-собирателе Я. И. Линденау. Собранные им ценнейшие и весьма подробные этнографические данные о якутах, коряках, чукчах, бурятах до сих пор не введены в научный оборот (за исключением описания пеших охотских тунгусов). Большой интерес представляет и обзор графических материалов экспедиции. М. О. Косвен дает достойную оценку научных результатов Великой северной экспедиции. Вместе с тем статья является ценнейшим указателем документальных этнографических материалов о народах северо-востока Сибири в XVIII в. Следует надеяться, что появление этой статьи привлечет внимание общественности к трудам Великой северной экспедиции и ускорит публикацию хранящихся в архивах этнографических материалов ее участников.

Рассмотрение содержания третьего тома «Сибирского этнографического сборника» показывает, что помещенные в нем работы вносят значительный вклад в изучение исторической этнографии, как в широком ее понимании — изучение культуры и быта народов прошлого, так и в узком — изучение этнографических вопросов по письменным источникам. И хотя работ по этнографии Сибири много, а в последнее время появились и сводные труды, далеко не все культурное наследство прошлого, быстро исчезающее из быта, изучено. Поэтому нельзя недооценивать опубликованные новые материалы по этнографии Сибири — важного исторического источника, имеющего определенное значение и для понимания современной культуры.

И. Гурвич

A. Viires. *Eesti rahvapärane puutöõndus. Ajalooline ülevaade*. ENSV Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, Tallinn, 1960, 334 стр.

В конце 1960 г. в Таллине вышла из печати работа А. О. Вийреса «Эстонское народное деревообделочное ремесло». Книга интересна не только для специалистов по этнографии Эстонии, но и для широкого круга этнографов и историков, потому что тема разработана автором широко, методика исследования хорошо продумана.

Книга состоит из двух основных частей: первая — «Техника обработки дерева», вторая — «Развитие общественного разделения труда в области крестьянского деревообделочного ремесла». В книге много иллюстраций — рисунков, фотографий, карт. Список использованной литературы включает более 250 названий на 11 языках; предметный и терминологический указатели весьма облегчают пользование книгой.

Хронологические рамки изучаемого периода развития ремесла — X—XX вв. Тема ограничена исследованием тех видов ремесла, которые касаются обработки дерева (исключается использование коры, прутьев и корней, опущена также техника изготовления лодок и парусников).

А. Вийрес изучил предметные коллекции и научные архивы эстонских музеев, лекции Института истории АН ЭССР и др. Используются данные, собранные автором во время полевых поездок (1946—1958 гг.), лингвистические материалы Института языка и литературы АН ЭССР.

Деревообделочное ремесло в Эстонии было тесно связано с земледелием и другими отраслями хозяйства, а в некоторых районах страны составляло для крестьян в определенные периоды значительный источник средств к существованию. При этом развитие деревообделочного ремесла имело в Эстонии ряд особенностей. Завоевание Прибалтики иноземными захватчиками в XIII в. не только нарушило естественный ход развития этих областей, но продолжало веками отражаться на всех сторонах жизни местного населения. В Эстонии особенно ошутим был разрыв между городским и сельским ремеслом. Поскольку эстонцы практически не допускались в городские цехи, в деревне ремесло развивалось изолированно, независимо от городского и часто параллельно ему.

В первом разделе работы исследуется деревообделочная техника: какие породы деревьев и для каких целей использовали крестьяне, как они получали древесину. Надо отметить, что ограничения крестьянского лесопользования приняты в Эстонии систематический характер уже с XVIII в., но поскольку они шли вразрез с нормами обычного права, крестьяне продолжали рубить лес тайно, не считая это воровством.

Сведения об инструментах, которыми располагали крестьяне до XIX в., очень скудны, однако можно установить, что применялись топоры, ножи, скобели, сверла,